

Либеральная газ. - 2000.
29 марта. - с. 14.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Зрители Льва Новоженова любят: что ни день в прямом эфире кто-нибудь непременно объясняется в любви к «дорогому Льву Юрьевичу». Критики Льва Юрьевича любят по-своему — в том смысле, что не оставляют своим вниманием и с завидной регулярностью на него нападают. А вот как относится сам Новоженов и к своим зрителям, и к своим критикам? Лев Юрьевич согласился прояснить этот вопрос в интервью «ЛГ».

Лев НОВОЖЕНОВ: Ток-шоу похоже

на любовные ласки

Шорх Очерк ВАСИЛЬЕВА

Начнем с типичного упрека газетчиков в ваш адрес — в стремлении захватить как можно больше «территории ТВ». Раньше были «Иванов, Петров, Сидоров», «Времечко», ныне ежедневные «Сегоднячко», «Старый телевизор», еще недавно совсем уж экзотический проект «Спросите Лифшица». Не многовато ли для одного человека?

— Думаю, такого рода претензии можно предъявлять к кому угодно. Чего ради, скажем, тот же Дюма-отец выпустил в свет огромное количество романов, а художник Глазунов — такое множество картин? Не говоря уже о товарище Ленине, создавшем столь солидное собрание своих сочинений. Скромнее надо быть, ребята, не выпячивать себя, а то куда же мы дойдем...

— Вы, конечно, вправе проинизировать. А если по существу?

— Тут, я думаю, есть момент определенной «газетной ревности», обращенной к тем, кто работает на телевидении. Этим газетчикам почему-то кажется, что на ТВ существуют некие теплые местечки, которые в худшем случае захватываются путем интриг и подсиживаний, а в лучшем случае вас подсаживает в высокие начальственные кресла чья-то «мохнатая рука». Видимо, людям, далеким от реалий ТВ, просто неведомы процессы, предшествующие созданию каждой новой программы. Все перечисленные вами телепередачи, начиная с «Времечка», на самом деле были очень сложны в производстве, не говоря уже о том, как трудно было их придумать. На ТВ что-то придумать и записать это на бумаге — еще ничего не значит. Нужно собрать людей, убедить их в своей правоте, зажечь их интересом, чтобы они болели за эту программу... А сколько крови стоит уломать телена начальство, это кто-нибудь подсчитал? И тем не менее, если какая-то программа начинает жить и живет несколько лет подряд (что в нашем деле неслыханная удача), людям из газетного цеха представляется, что все это произошло само собой, и все, что делает имярек такой-то, да тот же Новоженов, у него происходит с легкостью необыкновенной — сел перед камерой и начал что-то бойко лопотать...

— А может быть, по отношению к вам эта «ревность» имеет более глубокие причины? Ведь вы как-никак — старый газетный волк, писатель-юморист, кстати, лауреат премии «Золотой теленок» «Клуба 12 стульев» «Литературной газеты»! А не так давно довелось услышать в кулуарах уже нынешней «Литературки» такое мнение, что зря Новоженов ударился в ТВ. Что, дескать, за профессия такая — телеведущий? Да невесть что! А вот писатель-юморист — это намного круче!..

— Телеведущий — и в самом деле скорее даже не профессия, а служебная функция. Как когда-то правильно сказал Леонид Парфенов, «все мы работаем в сфере обслуживания». Телеведущий нужен для того, чтобы внутри программы возникало какое-то движение, потому что программа не может сама себя двигать. И, скажем, гость передачи (если речь идет о ток-шоу) не может сам себе задавать вопросы, сам себя «заводить», развлекать, то бишь заниматься некоей «мастурбацией». В этом смысле любое ток-шоу больше похоже на любовные ласки, где нужны все-таки два партнера. И чем каждый из этих партнеров качественнее, тем качественнее сам эфир, плод вышеупомянутой любви.

А что касается «Литературки», то она всегда со мной. Я имею в виду, конечно же, «Литературку» моей молодости. Это была совершенно сказочная, романтическая эпоха, связанная в моей памяти с поисками легендарными людьми. Многих из них уже нет в живых — и бессменного редактора «16-й полосы»

Виктора Веселовского, и пародиста Саши Иванова... Но увы, нельзя дважды вступить в одну и ту же реку. Имеет же человек в конце концов право что-то менять — жену, работу, а порой даже страну.

— Но именно сегодняшняя «Литературка» адресует вашему «Сегоднячку» вопрос: не подменяется ли там задекларированный интерес к «мелочам жизни» копанием в «мусоре жизни»?

— Такие соображения, я считаю, звучат просто-таки унизиительно для десятков миллионов зрителей, которые регулярно смотрят «Сегоднячко».

— То есть?

— То есть выходит, что все поклонники «Сегоднячка» — сплошь тупые, необразованные люди. Осмелюсь доложить, что это далеко не так! Чего от нас, собственно, хочет критика? Чего **ВООБЩЕ** можно требовать от любой информационной программы, кроме **ЧЕСТНОЙ, ОБЪЕКТИВНОЙ ПОДАЧИ ИНФОРМАЦИИ**? Взять хотя бы те же репортажные съемки. Неспециалисту даже представить себе трудно, каких зачастую нечеловеческих усилий стоит проведение этих съемок. Как порой опасны эти съемки для тех, кто снимает, и какой степени доверия требуют от тех, кого снимают. Вот почему меня коробит в одинаковой степени как выражение «мелочи жизни», так и выражение «мусор жизни». Оба они звучат в высшей мере пренебрежительно к некоей «низшей», «мелочной» сфере человеческого бытия. Но что тогда есть сфера «высшая»? На мой взгляд, вся наша жизнь как

раз и состоит из этих мелочей. Я абсолютно солидарен с поэтом, говорившим: «...тишина осенняя — подробно». Жизнь — это ряд «подробностей», и больше ничего. Только в программе «Время» освещаются одни подробности, а в программе «Сегоднячко» — другие. А сам зритель уже выбирает, что ему больше по вкусу — парадные встречи на высшем уровне или злословия какой-нибудь бедной бабушки Фроси из подмосковного поселка...

— К слову, среди претензий есть и такие — вы, дескать, на многочисленные просьбы людей как-то им помочь отделяетесь общими утешениями типа: «Ничего, потерпите, все будет хорошо!» И — ничего больше...

— А что мы, извините, можем сделать вообще? Мы же не в силах кого-то прописать в Москве, кому-то помочь деньгами или просто накормить. Я повторяю: «Мы — всего-навсего лишь информационная программа!» Ну, может быть, несколько специфическая, с «театрализованным» уклоном; как говорит Игорь Воеводин, «Сегоднячко» — это маленький информационный театр дядюшки Новоженова». Что же касается одних только «бойрых утешений», это явная неправда. Главное, что меня целиком устраивает в этой программе, так это то, что я могу отчитаться в ней за каждый день. Скажем, сегодня нам удалось помочь больному добыть кровь для переливания — очень редкой группы. Или помочь освободить человека из тюрьмы.

— Как это?

— Очень просто — провели свое независимое расследование и выдали его в эфир. Так что, если бы не «Сегоднячко», невинному человеку вынесли бы несправедливый приговор. В таких случаях наш эфир соотносится с ценой спасенной человеческой жизни. Я это говорю без всякого пафоса, так как пафоса вообще терпеть не могу.

— Так, может быть, именно это раздражает ваших оппонентов? Сидит себе человек в очках, ничего не декларирует, не рвет на себе волосы в истерике, а спокойно, не спеша делает какое-то нужное дело. Пусть даже занимается утешительством. Доброе слово — оно ведь и кошке приятно. А иными словами, смущает ваш безукоризненно джентльменский имидж. Счастливчик, да и только. Так от него и веет благополучием, от этого Льва Юрьевича!

— Ну да, как ему не стыдно быть таким спокойным, сдержанным, уверенным в себе в то время, как весь наш народ... И так далее. Все эти рассуждения мне знакомы. Уверю вас, ничего подобного и в голову не придет простому, работающему человеку, далекому от журналистской братии, скажем, таксисту, официанту, слесарю или тому же бизнесмену. В глазах таких людей популярный телеведущий и должен, по-моему, олицетворять собой какую-то стабильность, какую-то уверенность в будущем, которой нам так не хватает сегодня в обществе. Телеведущий — это ведь в известной степени артист, живущий в рамках выбранной им роли. Но я, честно говоря, не очень-то стремлюсь чего-то там сыграть, изображать. Предпочитаю быть всегда самим собой. А если это кому-то не нравится, что ж... Могу в таком случае повторить слова Вознесенского: «Я не хочу, чтобы меня любили все!»

Я вообще-то предпочитаю следовать принципу «Человек предполагает, а Бог располагает». Каждому свое. И если Господь не дал мне, скажем, таланта романиста или драматического актера, то в своей милости неизреченной Он дал мне нечто другое. Чтобы я, видимо, совсем не пропал, он наградил меня способностью общаться с людьми. Причем общаться не через газетную страничку, а непосредственно — глаза в глаза. И чем путь от человека к человеку короче, тем это лучше для меня. Я ведь работаю в прямом эфире, с живыми людьми, где притвориться очень трудно.

— Но предмет самого разговора...

— Тема может быть любой. Выражаясь высокопарно, я вижу свою миссию в том, чтобы помогать этим людям **ВЫСКАЗАТЬСЯ**. Людям, мысли и мнения которых, бесспорно, интересны миллионам зрителей.

— Значит, если есть у кого-то талант хорошо говорить...

— ...то у кого-то должен быть талант хорошо слушать. Слушать по-настоящему заинтересованно, вызывая тем самым человека на дальнейший разговор. У нас ведь «умеют» слушать только начальство, почти глядя ему в рот. А умение слушать просто собеседника давно потеряно. Все хотят говорить сами. Отсюда и многие беды нашего времени, а именно — трагедия непонимания. Отчуждение — страшная сила, и с ней надо бороться. В этом и состоит дар ведущего — сделать так, чтобы человеку захотелось тебе что-то рассказать. Согласитесь, далеко ведь не каждому вы захотите что-то рассказать и уж тем более поделиться чем-то сокровенным! Кроме того, я пытаюсь утвердить беседу не как средство для достижения какой-то цели (выяснить, скажем, какую-то истину, поставить все точки над «ф» и т.д. Все это чепуха, такого никогда не будет). Я понимаю беседу как искусство, чистое искусство.

Интервью вел Владислав ЧЕБОТАРЕВ

29.3.2000.

Новоженов Лев